

Мастер-класс по боевому шесту: точечные удары

Юэ Шэ

Сегодняшний день было бы сложно считать подходящим для физических занятий - было слишком жарко, а на небе не были ни облачка, чтобы создать хотя бы мимолетную тень. Земля потрескалась от жары, в воздухе пахло раскаленным песком, но такие условия только способствовали выработке терпения и воинского смирения.

Юэ ждала учеников на тренировочной площадке, неподалеку от плетня. Рядом с ним стоял ящик с боевыми шестами, принесенными сюда тигрицей заранее. Ее собственный бо она держала в правой руке, чтобы не смешивать его с остальными, которые обычно хранились в мастерской. Также на тренировочной площадке были заранее подготовлены земляные столбики разной высоты, объединенные между собой в небольшие группы по семь штук. На каждом из столбиков стояла глиняная и грубо обожженная глиняная чашка, достаточно крупная, чтобы по ней можно было попасть, но недостаточно крупная, чтобы это можно было сделать с легкостью.

- Добрый день, - девушка поздоровалась с присутствующими коротким поклоном, после чего начала рассказывать о задании. - Сегодняшнее занятие посвящено боевому шесту - или его еще называют бо. Это длинный шест чуть больше 180-ти сантиметров. Ваши шесты я уже принесла из мастерской, вам нужно только разобрать их и выслушать задание.

Она встала перед макиварой, взяв шест в обе руки, чтобы показать упражнение.

- Сегодня вы будете отрабатывать точечные колющие удары шестом. Обе руки жестко фиксируют шест и направляют противнику в условное место, куда хотите ударить. Такими ударами можно сломать ребра, повредить внутренние органы и трахею, серьезно травмировать сустав. Но обычно он наносится в солнечное сплетение, чтобы дезориентировать противника и вывести его из строя, - Юэ резко шагнула вперед, вынося обе руки вперед и нанося концом бо удар в то место макивары, где у настоящего противника было бы солнечное сплетение. - Теперь встаньте так, чтобы перед каждым из вас была группа столбиков с чашками. Вы должны разбить все чашки точечными ударами. На первый взгляд это довольно легко. У вас полчаса.

Девушка опустила шест и отошла в сторону, чтобы понаблюдать за выполнением задания.

Мастер-класс продлится до воскресенья, 27/08, до 20:00 мск. Приглашаются все желающие с уровнем навыка Бо не выше Послушника. Отыгрыш выкладывается одним постом, за участие в мастер-классе начисляется дополнительно 10 РПГ-баллов согласно правилам раздела.

Ярина Миненко

Ярина смутно помнила, что в прошлый раз на мастер-классе по бо ей понравилось примерно всё - кроме собственно длины оружия и своей косорукости. Но это, по мнению рыженькой одесситки, всё ремонтировалось. Приходило с опытом или как-то так. Достигается упражнениями, как говаривал Мышлаевский - с этой волшебной мантрой на устах Ярина и помчалась на очередной мастер-класс, ничуть не смущаясь тем, что с прошлого раза она абсолютно не выросла и по-прежнему даже и близко макушкой не достанет до края шеста.

Правда, стоило услышать задание, и одесситка тут же слегка набычилась, неосознанно выкатывая вперёд нижнюю челюсть. Разбивать глиняную посуду - этот призыв был знаком до боли, до слёз. Помнится, один раз это уже кончилось оглушительным провалом. Упражнения, напомнила самой себе Ярина, как заказывала. Девушка взяла из ящика боевой шест, тут же взметнувшийся над ней на добрых тридцать сантиметров, и с ним в обнимку побрела выбирать себе мишени для избиения.

Чашки, в общем, были все примерно одинаковые, так что не имело особого значения, которые именно метелить. Мельче тарелок, с которыми Ярина воевала в прошлый раз, зато обладали большим достоинством: чашки не летали в воздухе, а чинно стояли, каждая на своём пеньке. Это наводило на мысль, что попасть по ним будет легче. Получится ли хоть одну в конечном итоге разбить, как велено - это уже вопрос совершенно другой. Но уж хотя бы попадать-то по ним теперь надо.

Кажется, тогда, у сифу Фжн, удары тоже были колющие, смутно припомнила Ярина, перехватывая бо обеими руками, словно ухват, и наводя одним концом на выстроившиеся перед ней чашки. Во всяком случае, ученики тогда не шарахали по блюдцам с размаха, а именно что пытались их тыкать шестами. Стало быть, удар не незнакомый, можно образоваться и потихоньку продолжать его осваивать.

Первым же ударом Ярина стоявшую выше всех чашку. Но торжество одесситки было коротким, совсем мимолетным, и тут же сменилось недоумением. Разбиваться чашка не пожелала. Вообще. Никак. Слетела с пенька и прокатилась себе по песку, целая и невредимая. Кажется, даже бок ей хоть сколько-нибудь намять своим ударом девушка не смогла.

- Ты куда, Одиссей, от жены, от детей? - вслух вознегодовала Ярина. Опустила посох и, волоча его одним концом по земле, вприпрыжку рванула за чашкой. Подобрала, водрузила обратно на пенек и с укором спросила: - Ну, и что мне в таком разе с вами делать, негодяйки?

"Негодяйки" нагло выпячивали округлые глиняные бока, молчали и не желали давать никаких подсказок. Ярина пришлось искать решение самой, и вариант у рыженькой одесситки, строго говоря, был всего один: брать посох в руки и продолжать колотить. Девушка снова перехватила бо обеими руками, как ухват, развернув его почти параллельно земле, и принялась старательно раз за разом толкать шест вперёд, тюкая по чашкам. Только теперь Ярина сперва сбивала все чашки с их насестов, а уж только потом шла их подбирать и расставлять по местам.

Чашки летели в стороны хорошо, исправно. Даже несмотря на то, что от постоянного удержания длиннющего посоха на весу и однообразного движения шестом вперёд-назад у Ярины довольно быстро затекли руки и налились неприятной тяжестью плечи. Попадать по этим маленьким мишеням получалось, но и только. Разбираться никто не желал, а Ярина в упор понять не могла, какое такое волшебное движение требуется сделать. Уже только под самый занавес мастер-класса одесситка ухитрилась расколоть одну чашку, но даже этому не обрадовалась,

потому что трезво осознавала: как это произошло, она не поняла и в случае чего повторить на бис не сможет. А значит, за достижение это засчитывать самой себе никак нельзя. Максимум - удачное стечение обстоятельств.

Словом, как ни крутись, а итог у занятия опять вышел печальный. Вот разве что более-менее тюкать Ярина научилась, без правильного приложения сил, но всё же, хотя бы само движение освоила. Надо продолжать упражняться. Это определённо имеет смысл.

Розмари Лайонс

За тем, когда и какие занятия мастера назначают в монастыре, Розмари следила пристально, с особенным вниманием и даже с придыханием. В конце концов, это была первая, главная и единственная цель её поездки в монастырь – учиться и совершенствоваться. Даже если по итогу британка появлялась далеко не на всех занятиях, она всё равно неизменно была в курсе происходящего. С Розмари можно было сверяться не хуже, чем с монастырской доской объявлений – память на такие вещи у девушки была цепкая, как капкан, отчётливо запоминала время и место, даже если на первый, а то и на любой последующий взгляд, тема занятия казалась откровенно чужой.

Фильтры, при прохождении через которые отсеивалась львиная доля преподаваемых в монастыре дисциплин, были у британки абсолютно беспощадными. Розмари не интересовалась всем, что являло собой магию, в каком бы то ни было виде. Даже несмотря на то, что мастер Флетчер и рыжая ученица Ирина уже успели продемонстрировать убойный потенциал стихийной магии – Розмари всё равно желала остаться неучёной, отдавая предпочтение чему попроще, попроще. Так же мимо британка пропускала все миролюбивые навыки, вроде изучения камней, чистописания или следов на траве. В последнее время, правда, стали закрадываться в голову мысли о том, что и из этого сугубо мирного списка что-то может пойти на пользу общей идее, но только в последнее время и пока только закрадываться. Над предложениями поучиться стрелять из лука Розмари думала долго и тяжело, прежде чем решила, что и это ей сию минуту не требуется, а может какое-то время подождать. Вот боевой шест – это была уже совсем иная история.

Одним из главных аргументов, конечно, стало то, что шест у Розмари уже был. Точнее, скорее посох, самодельный и куда в большей степени походный, уже начавший обрастать соответствующими улучшениями. Но тем не менее, при желании, наверное, и им можно было с успехом приложить кому-нибудь между глаз. Да и вообще, в реальной жизни, наверное, шестом могла стать любая достаточно длинная палка. Это соображение тоже было одним из решающих, и в конечном итоге, по общей совокупности аргументов получилось так, что начала мастер-класса девушка ждала с тем же нетерпением, как и уроков по владению кинжалом. И даже, пожалуй, с чуть большим энтузиазмом – все же на кинжалах Розмари один раз ухитрилась влезть в занятие для совсем зеленых новичков, на котором вместе со всеми отрабатывала один из базовых ударов. Длинный же боевой шест был чем-то абсолютно новым, там любое упражнение будет неизвестным и потребует усилий для успешного выполнения; словом, активный труд будет обеспечен.

Боевой шест оказался, действительно, без преувеличения, длинным. На добрых

полметра длиннее того шеста, которым гоняли на айкидо и который всё на том же айкидо даже пару раз получилось мимолетно поддержать в руках, на глаз оценила Розмари. А услышав из уст мастера точные цифры, едва заметно кивнула самой себе: да, так и есть, шестьдесят сантиметров сверху, получите и распишитесь. Придется привыкать – впрочем, британка не могла бы сказать, что это будут какие-то критичные изменения в мозгу. Не настолько прикипела всем телом к дзё, чтобы теперь абсолютно не уметь подстроиться под другой, более длинный шест.

Получив наконец бо в руки, Розмари начала с того, что задумчиво взвесила шест в руках, оценивая его тяжесть. Неподъемности груза не ощущалось. Возможно, будет не совсем просто отработать этим шестом полчаса без перерыва, но это, по мысли британки, всегда нормально для нового оружия и не только – вообще для любого нового инвентаря, трудиться которым нет привычки. Потом Розмари твердо взяла шест обеими руками, как показывала сифу Шэ, слегка повела им из стороны в сторону, убеждаясь, что шест не угодил центром тяжести черт знает куда и не пытается перевесить одним концом вперед или назад, и уже только тогда – облюбовала себе группу чашек и нацелилась на них концом шеста.

Первые несколько минут Розмари не попадала по чашкам почти демонстративно, даже и не стремясь показать хоть какую-нибудь точность. Девушка стремилась в первую очередь разобраться с тем, как наносится удар, как при этом на шесте лежат руки, не мешают ли друг другу, куда выводятся локти, как движется сам шест и какую силу нужно вкладывать в удар, чтобы оружие не зависло где-то далеко впереди. И только когда Розмари посчитала, что со всеми этими вопросами более-менее получилось разобраться, британка позволила себе переключиться на чашки и ко всем уже перечисленным нюансам попытаться добавить еще и точность удара.

Добиться точности опять же получилось не сразу. В первую очередь – из-за того, что Розмари неосмотрительно поспешила, не успев понять, как именно следует целиться, и саданула шестом поверх чашек. Хорошо, что успела разобраться с возвратным движением, иначе, может, и сама рисковала бы следом за шестом провалиться куда-то вперед, совершив сальто через мишень. Осознав свою ошибку, британка снизила темп – и еще где-то минут пять неторопливо толкала чашки концом шеста, сбивая их со стоек заведомо без надежды разбить хоть что-либо и постепенно пытаясь ускориться. Пока что ускорение шло в ущерб точности, но это, наверное, сейчас было неизбежно и исправлялось только практикой.

Несмотря на то, что попадала Розмари через раз, чашки все равно летели со стоек исправно. Летели, но не разбивались. Британка работала шестом и усердно думала. Если бы, скажем, она стреляла из пистолета, то проблем бы, наверное, не было, чашки бы отлично разлетались. Тогда сейчас проблема была, наверное, в том, что девушка была недостаточно сильно. Или недостаточно быстро – на текущий момент для Розмари это значило примерно одно и то же. Как ни крути, а надо было наращивать резкость движений. И британка честно пыталась это сделать, задействуя все доступные ей знания из других областей боевых искусств. Правда, девушка сомневалась в том, что она, скажем, смогла бы разбить хоть одну чашку, если бы пыталась бить не шестом, а кулаком – зато запомнила это для себя как интересный эксперимент, который можно было бы попытаться провести.

К концу мастер-класса Розмари успела качественно промять стенки трем чашкам,

отчасти за счет того, что девушка, киксуя, много попадала по хрупким верхним краям, разбивая их. Но вряд ли это можно было считать за полноценное "разбила три чашки". Куда более справедливым было бы сказать "покалечила три чашки, иди работай дальше, негр". Розмари с поклоном вернула мастеру тренировочный шест, поблагодарила за проведенное занятие и ушла – осознать и обдумывать. Основная вынесенная с занятия мысль была не то что не нова, а существовала, кажется, с самого Большого Взрыва: надо продолжать. Пока хоть что-то получается, надо брать навык за хвост и дожимать, пока не начнет получаться как положено. Это звучало как план. Хотя у Розмари все планы на учебу примерно так и звучали. Никакого разнообразия, ни малейшего.

Ломэхонгва

Ломэхонгва много ходит по храму босиком – несмотря на то, что сандалии у девочки есть и пока они отнюдь не последние, привычка их беречь никуда не уходит. Обувь стоит в углу комнаты, отодвинутая от соседки как можно дальше, чтобы ни в коем случае ненароком не порвалась и не испортилась. Ломэхонгва же пока прекрасно обходится без неё. И на мастер-класс отправляется точно так же, босиком.

Изначально девочка планирует только издалека посмотреть, как взрослые занимаются, отнюдь не намереваясь вмешиваться и тоже что-то из себя изобразить. Но для такого хода требуется знать местность, чтобы подойти относительно незамеченной – Ломэхонгва же пока знает, где в монастыре что, из рук вон плохо. И по незнанию выходит к тренировочной площадке там, где спрятаться откровенно негде. Какое-то время девочка идёт на группу учеников прямо в лоб, идёт долго и отчётливо. А после этого становится уже как-то неловко в последний момент резко сворачивать и ломиться в рядом растущие кусты, которые, по закону подлости, попадают на глаза очень поздно. Поэтому Ломэхонгва с мрачной решимостью перелезает через плетень и смешивается с остальными учениками. Хотя длинный тяжёлый шест – отнюдь не предел мечтаний девочки, отступить уже как-то некуда.

И Ломэхонгва прекрасно осознаёт, что большую часть этой проблемы она придумала себе сама. Но проблема уже придумана, нависает, шевелит щупальцами, как уродливый гигантский кальмар, и просто не обращать на неё внимания не получается.

Шест действительно длинный, а не просто называется так для красного словца. Это первое, на что обращает внимание девочка, когда подходит к ящику, берёт оружие в руки и примеряется к нему макушкой. Затем Ломэхонгва приплюсовывает к недостаткам шеста ещё и то, что он тяжёлый. Вертеть длинное и тяжёлое – неудобно, в этом своём мнении девочка непоколебима. Хорошо хоть, вертеть сейчас не просят. Просят колоть, и это звучит как-то ощутимо приятнее. Тренируясь, Ломэхонгва подхватывает шест обеими руками, да так на весу и тащит его к чашкам. Неудобно – если шест заметно выше девочки, то поперёк неё он и подавно шире. Ломэхонгва со своей ношей неловко болтается между взрослых учеников, как котёнок в проруби, но по счастливой случайности никого не задевает и добирается до чашек без лишних приключений. Что радует, потому что этих самых лишних приключений в ближайшие полчаса ещё будет необозримое множество.

Начинает девочка с того, что пытается одним концом уронить шест себе на ногу. Везёт, и бо втыкается в землю рядом с босыми пальцами, но Ломэхонгва всё равно

понимает: опасно. Ещё ничего не сделала, но уже всё очень опасно. Тогда лучше шест лишний раз и не поднимать – потому что запасных ног нет и не предвидится. Так и оставляя бо одним концом лежать на земле, вторым концом Ломэхонгва начинает целиться в чашки. Потом перекладывает ладони на шесте, стараясь сделать так, как было показано, убеждается, что в этой позе она точно может держать оружие и вроде как может его удерживать, а потом на выдохе отрывает шест от земли и изо всех сил толкает его вперёд.

Первый опыт тут же показывает, что снайпером девочке не быть. Шест с громким стуком врежется в стойку чуть ниже чашки, выскакивает из рук и с очередным громким стуком плашмя падает на землю. Ломэхонгва же замирает настороженным сусликом и внимательно косит глазами по сторонам: возмущаться? отчитывать? будут?

Но всё тихо.

Ломэхонгва считает возможным поднять оружие и повторить попытку, раз ей не сказали, что она слабосильная, с дырявыми руками, всё сломает и вообще не пошла бы отсюда. Девочка снова поднимает бо и принимается опять настраиваться на выпад – с той только разницей, что теперь Ломэхонгва не спешит ткнуть шестом вперёд, а какое-то время старательно удерживает оружие на весу и целится в чашки. Пытается целиться. И лишь потом совершает энергичный тычок.

Сам собой напрашивается вывод, что девочке бы что-нибудь попроще в руки. Желательно какое-нибудь оружие, которое не требует такой точности, а бьёт по площади и может накрыть все эти чашки одним ударом. Ломэхонгва не без труда удерживает бо на весу, конец шеста мотыляется в воздухе почти как хочет, описывает в воздухе зигзаги и кривые и никак не соглашается остановиться на чашках. Девочка может раз за разом, порой всё так же попадает по стойкам, но теперь, уже будучи готовой к такому повороту событий, не выпускает шеста из рук. Но Ломэхонгва, несмотря ни на что, далека от того, чтобы расстраиваться. Девочка молча и терпеливо отрабатывает оставшееся до конца мастер-класса время. Великой воительницей с шестом наперевес она себя никогда не считала, поэтому разбившейся мечтой здесь и не пахнет.

Под самый конец занятия Ломэхонгва всё же попадает по одной из чашек, тычком сшибая посудину со стойки. После череды безнадёжных промахов это так удивляет, что девочка второй раз за занятие роняет шест и вприпрыжку мчится за чашкой. Та оказывается отнюдь не разбита, можно даже сказать – возмутительно цела. Ломэхонгва садится на корточки, поднимает чашку и вертит её в руках, рассматривая глиняные бока со всех сторон и пытаясь найти хоть что-нибудь, похожее на след от удара. Вмятинку. Трещину. Царапину. Что угодно.

Ничего не видно.

С лёгким разочарованием девочка встаёт и идёт было ставить чашку на место и продолжать работать – но выясняется, что времени уже не осталось. Поэтому Ломэхонгва только ставит чашку на место. На прощание щёлкает по ней пальцем, возвращает мастеру шест и почти сбегает с занятия, торопливо перекинув через плетень. Пока тут же не объявили ещё один мастер-класс и девочка по неосмотрительности своей не ввязалась и туда тоже.

О том, что когда-то он вроде как кипел желанием научиться правильно вертеть боевым шестом, сейчас Финехас вспоминает уже с невыразимым трудом. Если бы тогда, сколько-то там месяцев назад, занятия с боевым шестом проводились чаще, Финн на волне своего кипучего желания разом бы стал умелым бойцом и вообще мастером спорта. Но чего не было, того не было. В основном учителя предлагали материал врассыпную, незначимыми пробниками, почти бессистемно. Юноша успел на этих "пробниках" нахвататься многого, толком не освоил и не выучил ничего – а теперь вот, по дороге на новый мастер-класс, мучительно вспоминает, что он тогда, на далёком первом и единственном занятии сумел сотворить с шестом и сумел ли что-то вообще.

Воспоминания с упорством, достойным трижды – нет, пожалуй, даже четырежды – лучшего применения, ускользают и не даются в руки. Издевательски пляшут где-то в головном мозгу, сигнализируя, что они есть, но тем и ограничиваются, просмотреть себя не позволяют. Единственное, в чём Финехас уверен на твёрдую пятерку с плюсом – он держал бо в руках и даже не понял его, а стало быть, не позорился и прикидывался адекватным человеком, с растущими из правильного места руками. То есть, возможно, руки и впрямь растут откуда положено, это факт пока туманный, вскрытие покажет, как там что устроено на самом деле. Финехасу же привычней и проще думать, что верхние хватательные конечности у него растут откуда-то из левого совершенно места, где, по-хорошему, ничего лишнего торчать бы и не должно. В этом подходе есть своеобразная практичность: ошибки не огорчают, мол, а что ещё можно желать от этих убогих культяпок, успехи же приятно радуют, показывая, что и убогие культяпки пригодны не только для трипа на помойку.

Знать бы ещё, как объяснить мастерам, что это у Финехаса такое жизненное кредо – вкалывать без фанатизма, потому как всё равно же получаться ничего не должно, в силу чисто анатомических факторов.

Оказавшись в цветущем девичьем окружении, Финехас ничуть не смущается того, что выглядит здесь единственным грубым неандертальцем. Спокойно делает лицо вежливой коробкой и лезет к боевым шестам – юноше не терпится взять оружие в руки и проверить, помнят ли хоть мышцы что-нибудь, раз уж на башку, этот трепливый придаток к позвоночнику, возлагать надежды оказалось бессмысленно. Руки и впрямь хранят какие-то смутные воспоминания; во всяком случае, у Финна достаточно ловко получается взять шест в руки так, чтобы не шоркать по нему локтем через раз. Если сумеет гордо раздуться в достаточной степени, то это можно будет обозвать громким словом "стаж" – мол, опыт не пропьёшь, не отстегнёшь и в прикроватную тумбочку не положишь, смотрите, руки-то помнят!... Вот только с тем, чтобы гордо раздуваться, у Финна проблемы. Это ни разу не его сигнатурное умение, и близко не лежало. Таланты юноши все как-то числятся по другому ведомству. А ведь, возможно, красиво распускать драные перья – тоже умение ценное.

Зато Финехас твёрдо знает, что продемонстрировать нулевые успехи он права не имеет. Не рядом с маленькой девочкой, которая, обнимая шест чуть ли не вдвое неё выше, с молчаливым упорством бросается на мишени. В чём-то она похожа на Лилу; уж как минимум, её боевой пример заразителен и здорово воодушевляет.

А уж воодушевившись, можно и лбом эти чашки поломать, если с шестом не сложится.

Начинает Финехас с того, что мягкими, аккуратными тычками обозначает удар по каждой чашке. Во-первых, это вроде как угроза – я вас всех запомнил, трепещите". Во-вторых, юноша со свойственной ему придиричивостью выбирает: по какой чашке бить кажется проще? Какая стоит на самой удобной высоте? Пока девушки рядом

колотят по всем чашкам подряд, Финн выбирает одну, в которую удар проходит ловчее всего, и начинает терпеливо и занудно работать по ней.

Если бы за откровенно плохую память здесь прилюдно пороли, то Финн бы уже оказался выпорот добрый десяток раз. По юноше особо не видно, что один раз он уже был на схожем занятии и старательно, до блестящего скрипа отрабатывал базовые удары. Можно даже смело сказать, что эта пустая башка позорит мастера Шэ как преподавателя, и это категоричное утверждение будет недалеким от истины. Финехас, во-первых, утешается тем, что прошло много времени, можно было успеть дом построить, не то что три удара забыть, а во-вторых, старается плохую память компенсировать усердием. И вовсю проявляет одну из лучших своих черт, порой спасающую от полного позора – умение с неутомимым и тупым занудством попугая повторять одно и то же. Выбрав раз одну мишень, Финехас долбит по ней снова и снова, с упорством контуженного дятла, раз за разом выбрасывая шест вперёд всё более чётким и отточенным движением, постепенно въедающимся в мышцы. Через раз, а то и чаще, поднимает отлетающую на песок чашку, ставит её обратно на стойку и опять бьёт шестом. Со стороны кажется, что Финн больше бродит туда-сюда, чем занимается делом – но это если не видеть результат, который определённо есть.

За время мастер-класса Финехас успевает избить чашку до состояния полного убожества, качественно измолотив её концом шеста, и даже подумывает, не поменять ли ему мишень. И ещё юношу интересует, насколько мастеру Шэ нужна такая чашка – практически абсолютно всмятку, разве что дно, которого шест совсем не касался, выглядит новым и свежим, хоть сейчас к любой свежкупленной чашке приставляй. Финехас, признаться, готов утащить пострадавшую посудину с собой. И держать её на комодке как символ... ну, чего-нибудь, неважно, потом придумать можно будет. Ерундовая мысль, но ввинчивается в мозг неожиданно серьёзно. Поэтому, едва услышав сигнал об окончании мастер-класса, Финехас сгребает разбитую чашку и идёт задавать мучающий его вопрос.

Чего глупость в себе-то держать, её ляпнуть надо.

Линор Уэст

Линор бралась за учебу редко, сама не до конца понимая, по какому принципу одни занятия она посещает, а другие - напрочь пропускает мимо себя. Одной из наиболее жизнеспособных версий, впрочем, было то, что ирландка просто все время спала, а в какие-то отдельные моменты просыпалась, начинала крутить головой по сторонам и, если в поле ее зрения попадало занятие, мчалась учиться. А все, что проспала - так и прошло мимо, полностью незамеченным.

Звучало очень похоже на правду.

В этот раз Уэст пробудилась как раз перед мастер-классом по боевому шесту. И десантировалась туда прежде, чем успела худо-бедно включить голову и подумать, а нужен ли ей такой навык в активе вообще, или уметь драться чем бы то ни было ей совершенно не пристало. Автопилот, ответственный в тот момент за управление, просто постановил, что надо идти, даже не пытаясь разобраться в полезности или применимости навыка. Так Уэст и оказалась на тренировочной площадке - неловко переминающаяся с ноги на ногу и абсолютно не уверенная в том, что пришла по адресу. К счастью, занятие было лишь мастер-классом в формате краткого экскурса, никто не спрашивал учеников, какими ветрами их сюда занесло. Иначе Линор рисковала бы так ничего внятного и не придумать за отведенные на сочинение ответа краткие минуты, и вообще неизвестно, чем бы это кончилось.

Шест ирландка попыталась взять как можно более уверенным жестом, но показная уверенность девушке откровенно не удалась. На лице Уэст отчётливо читалось, что она не вполне представляет себе, зачем ухватилась за это оружие и как планирует им дальше махать. Но на мастер-классах действовал беспощадный шахматный принцип: взялась за фигуру - ходи.

Иными словами, не смей бросать оружие, раз уж дошла до того, что взяла его в руки с умным видом.

Линор честно постаралась вдохновиться чужим примером. В конце концов, рядом с ней были девушки, даже совсем маленькая девочка была, и все они боевого шеста очевидно не боялись. В такой компании ирландке казалось странным испуганно закатывать глаза, осторожно трогать шест кончиком пальца и манерно вопрошать, что сие есть такое и как с ним дальше жить. На несколько мгновений Линор уместила шест на вскинутом колене, как можно тверже взяла бо обеими руками, повертелась с ним, убеждаясь, что не стучается чем попало обо все подряд, пару раз переместила ладони по шеста, стараясь взяться как можно удобнее, и только потом на пробу ткнула концом шеста в сторону чашек.

Целиться по чашкам оказалось неожиданно легко, Линор начала попадать по ним почти сразу же и часто. Неприятность крылась в другом: удары, которые наносила Уэст, получались откровенно слабые. Даже возмутительно ниочёмные. Линор всё никак не могла понять, как же ей шваркнуть шестом вперёд с такой силой, чтобы и чашка разлетелась - или хотя бы громко и отчётливо сказала "ай!", - и оружие вернулось назад, а не осталось где-то далеко впереди. Ирландка мучительно металась между двумя крайностями: или чашка едва реагировала на робкий удар, порой вообще почти его не замечая, или руки вылетали далеко вперёд, без надежды на возврат, а шест начинал заваливаться дальним концом вниз, и удержать его на весу становилось тяжело. Линор маялась до самого конца мастер-класса, но за отведенные полчаса так и не сумела найти золотую середину между откровенно слабым ударом и истерическим жестом, больше похожим на попытку швырнуть шест в злополучные чашки. Хотя, по собственной оценке Уэст, она явно потихоньку двигалась в нужную сторону. Ещё бы часа полтора ей, черепахе несчастной, покопаться, и нужная грань наверняка будет найдена. Но чего не дали, того не дали - и, возвращая шест в ящик, разочарованная Линор едва слышно пробормотала себе под нос: - Спасибо, но я лучше в снайперы пойду. Там за пулей бегать не нужно.

Курук

Что-то давненько Курук не была на Мастер-классах. То ли дело было в том, что их стали в разы реже проводить, то ли в том, что ему они были даром не нужны. И тем не менее, сегодня проводился очередной Мастер-класс, и ведущей была никто иная, как сама Юэ. Парень уже давно не питал к ней тёплых чувств, разве что на мгновение-другое улыбался при воспоминаниях о том прошлом и всё. Николая в Монастыре не было, но это всё равно никак не повлияет на его посещение Мастер-класса. Кстати, а если Николая здесь нет, то почему Юэ - есть?..

У него ещё пока не было своего бо, причём виной этому был... никто. Никто не был причастен к этому, даже сам Курук. У него было ровно одно недозанятие с Куродой, кажется, так её звали, и всё. Да и того - тренировались они добрых несколько лет назад, и он смутно помнил, чем они там вообще занимались. Но да не суть. Его давняя любовь к длинным палкам не могла не быть включённой в счёт его тех самых "пунктов самомотивации", позволившим ему прийти сюда сегодня. Логически

это было невозможно объяснить; разве что махать длинной палкой выглядело опаснее, чем коротким кинжалом. Но это ещё как посмотреть. Плюс кинжал позволял атаковать в разы быстрее, а пока ты там эту палку опустишь в вертикальное положение, пока крутанёшь - уже будешь валяться на земле, истекая кровью.

Он пришёл на площадку. Его не интересовало, кто здесь собрался и в каком количестве. Он видел здесь лишь себя, Юэ и свой шест. Как он определил, что вот этот - именно его? Просто подошёл и взял самый ближайший, никаких премудростей. Выслушал задание. Оно ему показалось простым - попасть по группке из семи каменных столбов с чашами. Точнее, не просто попасть - а разбить их, причём точно. А можно было, к примеру, просто столкнуть их со столбов. Как магическим, так и немагическим образом. Жульничать он не будет - не в том возрасте и не с той философией. Удивительно, что сейчас она у него вообще была, а не как раньше.

Он встал напротив группки столбиков. Глубоко вздохнул. Закрыв глаза. "У вас есть полчаса" - эхом отозвалось у него в голове. Это ничто по сравнению с вечностью. Но вполне достаточно для того, чтобы разбить семь несчастных чашек. Он открыл глаза. Для него не существовало других учеников, параллельно разбирающихся со своими столбиками. Это всё словно происходило где-то в другой реальности. Полчаса. Семь чашек. Две руки, крепко сжимающие посох и наносящие точечный удар. Пожалуй, можно приступать.

Он подобрал посох с земли. Взял двумя руками. Крепко так взял. Сделал выпад, направляя посох в чашку. Очевидно, за первым ударом последовала неудача - чашка упала на песок. Ему пришлось нагнуться, чтобы поднять её, а так не хотелось. Он мог бы не напрягаясь поднять её с помощью магии, но тратить свои силы на такие пустяки - уже не его конёк. Как-то незаметно и перерос. Курук осмотрел чашку - на ней не было даже и трещины. Не рассчитал силы удара - он скорее столкнул чашку с места, нежели ударил по ней. Попытка номер два.

Посох был снова сжат двумя руками, причём левая была спереди. Но полетел он как-то криво. И на этот раз чашка снова упала на песок, однако на этот раз ему показалось, что ещё бы чуть-чуть и она разбилась. Чашка улетела дальше, чем в первый раз. Он снова поднял её, вздохнул. Сейчас он точно её разобьёт.

Ноги на ширине плеч. Руки на полусогнутых, крепко держат посох. Резкий взмах руками - и на этот раз он попадает по чашке сильнее; но её осколки не летят на песок, и Курук на этот раз тоже проиграл. Возможно, ему не хватало чисто физической силы - наверняка играло свою роль не только точное попадание, но и весьма сильное попадание.

Он бы лучше поворачивал этот шест во все стороны, поделал удары по макиваре, а тут... Сплошное однообразие. Ладно, он попытается разбить хотя бы одну чашку, на тот случай, если он захочет начать обучаться владению бо у Юэ, его результат и старания будут самым лучшим аргументом. Итак, ноги снова на ширине плеч, и он находится напротив чашки. Выпад, удар - и чашка летит на песок невредимой. Ей хоть бы что - возможно, если бы он как-нибудь комбинировал магию воздуха с силой удара, чашка улетела бы дальше и может быть даже попыталась разбиться или хотя

бы задуматься об этом. Или у неё какая-то была особая миссия - стоять намертво, ни за что не даваясь неопытному воителю с шестом? Он мигом представил себе ситуацию, в которой он достаточно много вкладывает магии воздуха в точечный удар, достаточно для того, чтобы разбить целую глиняную чашку. Маловероятно, что в реальной жизни у него это-таки получилось бы, но в его собственном мире всё будет так, как ему того захочется. Можно было бы придумать ещё тысячу и один вариант того, как разбить эту чашку другим способом, Но тут ему не хватило времени на то, чтобы продолжать пытаться обойти поставленное задание стороной альтернативными методами - мастер объявила о конце тренировки. Полчаса - ничто, по сравнению в вечностью.

Юэ Шэ

Юэ терпеливо ждала, пока выделенные ею на самостоятельную практику полчаса закончатся. Она не вмешивалась в работу учеников, просто наблюдала за ними со стороны, несколько погружившись в свои мысли и только задумчиво отмечая хоть какой-нибудь посторонний успех. Было бы правильнее провести полноценное занятие по владению боевым шестом, но когда это невозможно сделать по причине отсутствия мастеров, любая практика лучше чем ее отсутствие, даже если это и коротенький мастер-класс.

По истечению получаса она осталась на площадке одна - все закончили свои упражнения, и чисто из интереса Юэ посчитала, сколько же все-таки удалось разбить чашек. Вышло не так много, как могло бы быть, но, опять же, больше, чем могло бы быть, поэтому результатом проведенного занятия девушка осталась довольна. Она аккуратно подобрала глиняные осколки, не оставляя их на песке, где ими кто-то мог пораниться, после чего унесла ящик с шестами обратно в мастерскую.

Мастер-класс закрыт.
